

Волшебник пылающих красок

Рос. вести. - 1994 - 28 мар. - 46

Майя КРЫЛОВА

Весной 1890 года свежеспеченный выпускник петербургской гимназии Мая познакомился, почти случайно, с другим молодым человеком, неким господином Розенбергом. Новый знакомый назвался художником, к тому же проявил интерес к неспешным разговорам о прекрасном. И

Л.С. Бакст. Обложка программы Русских балетов в Париже с изображением В.Ф. Нижинского в балете «Послеполуденный отдых фавна». 1912 г.

гимназист решил: этот рыжий близорукий и улыбчивый живописец достоин великой чести: приема в кружок «невских пиквианцев». Так по примеру героев Диккенса называла свои сборища компания любителей искусства. Эти молодые люди, гимназист и художник, были Александр Бенуа и Лев Бакст - будущие любимцы Фортуны, прославленные мастера.

...Лев Розенберг (Бакст - имя родственника, так он подписывал работы) недавно еще посещал Академию художеств. В этой казенной школе с застывшими традициями его недолюбливали - очень уж не вписывался в привычный круг, творил цветастые эскизы, за что был прозван «свежевываренным Рубенсом». Одновременно зарабатывал на жизнь, помогая семье. Друзья находили ему заказы на книжные иллюстрации. А в кружке «пиквианцев» Левушка (так все его величали) заседал уже как полноправный член и даже был избран «спикером»: важно звонил в колокольчик, когда споры о Тициане или Веласкесе становились слишком уж бурными, когда друзья-приятели Дима Философов, Костя Сомов или новый друг, приехавший из провинции Сережа Дягилев, громко дискутировали, перебивая друг друга. Любил Левушка и театр-оперу, драму, вот только балет не жаловал - легкомысленное зрелище! Пришлось Шуре Бенуа, как заядло-

му балетману, воспитывать его, приучать к совершенству танцевальных па.

Бакст пишет жанровые картинки в духе передвижников типа «Пьяного факельщика» или «Мезальянса». Он еще не нашел свою манеру, хотя полон честолюбивых планов и на вопрос «Кем бы вы хотели стать?» отвечает: «Самым знаменитым художником в мире». Пока же учит рисованию детей великого князя Владимира, получает заказ на большую картину «Встреча русских моряков в Париже». У него много друзей, его благодущный нрав привлекает, нравится элегантность в одежде, забавляет легендарная рассеянность. К тому же, как рассказывает в воспоминаниях А. Бенуа, и «мысли Левушки были всегда своеобразны и выражались в яркой картинной форме».

Судьба распорядилась особенно - Бакст был призван пролагать новые пути. Объединение художников «Мир искусства» выпускает одноименный журнал - значит, Левушка должен придумать марку движения (орел на одинокой скале), делать эскизы обложек, заставки, виньетки... Журнал получился особенным - все, от макета страниц до специальных шрифтов, «работало» на художественную цельность. И, в строгом согласии с идеалами модерна, выются в причудливом орнаменте бакстовские гирлянды, колонны, античные вазы, переплетаются изысканные сочетания черного и белого, пунктира и силуэта. Портреты коллег по живописному цеху - Левитана, Малевича - тоже удачны: это «проба пера» в новой для художника технике литографии. И в театре дебюты удалась - придворный балет «Фея кукол», античные трагедии «Ипполит» и «Эдип в Колоне» для Александринки отмечены критикой. Не случайно для создания «греческого антуража» Левушка часами пропадает в Эрмитаже, делает наброски, стремится ухватить суть античной пластики. Невиданный подход в эпоху, когда все привыкло: для театра вполне хороши и «сборные» костюмы, декорации, сделанные раз и навсегда. Нужна «русская тема»? Извольте получить со склада кокошники да сарафаны. Будетесь «восток»? Есть турбаны и парчовые халаты.

Бакст входит в моду, ему заказывают сценические костюмы Леонид Собинов, дает работу начинающая актриса и миллионерша Ида Рубинштейн. С портретов знакомых из артистических кругов Петербурга на нас смотрят знаменитости: хитренкием «старичком-лесовичком» косится Василий Васильевич Розанов, полулежа, в мужском маскарадном костюме, томно позирует Зинаида Гиппиус. Портрет Дягилева трудно дается - капризный Сережа требует, чтобы Левушка сделал его красивее и тоньше, чем в жизни. Зато Андрей Белый, Айседора Дункан и Анна Павлова запечатлены быстро, с вдохновением и восторгом от талантов. Фурор производит картина «Ужин»: «стильная декадентка конца века, черно-белая, тонкая, как горноста, с таинственной улыбкой а-ля Джоконда, кушает апельсин».

Бакст успевает немисливо много: разрабатывать убранство интерьеров (бело-розо-

вый будуар в духе XVIII века, весь в зеркалах, трельяжах и хрустале), преподавать в художественной школе (его учеником был Марк Шагал). Затеянные Дягилевым грандиозные выставки «Исторический портрет» в Петербурге и «Два века русского искусства» в Европе оформляет тоже он: стены обтягивает драпировками, продумывает цвета рам.

Близится время творческого апофеоза. 19 мая 1909 года в парижском театре «Шатле» состоялся первый балетный спектакль «Русских сезонов». Впоследствии Дягилев утверждал - они стали «революционными» в сцениграфии еще больше, чем в танках. А Левушка добавлял своим «медленно-насмешливым» голосом: «Мы нашли возможность передать... самый ритм и чувств и форм... ритм жизни». Много лет он работал в дягилевской антрепризе, стал соавтором «Жарптицы» и «Карнавала», «Спящей красавицы» и «Клеопатры», «Женщин в хорошем настроении» и «Иосифа Прекрасного»... Остались сотни листов эскизов акварелью. Они похожи на портреты актеров в роли: выверенные, законченные, завораживающие. И действительно наполненные пьянящим, острым напором.

Несутся в плеске, забрасывают ноги в прыжке, заламывают руки его фигуры в экзотических одеяниях, раскрашенные «дерзко-ослепительными» красками. Чистые и звонкие цветовые пятна «схвачены» резко очерченными линиями, дразнят невиданными сочетаниями декоративные занавеси и драпировки. «Шехерезада» поражает изумрудным с золотом, «Иосиф Прекрасный» - «вернонецким» размахом и величием. Бакст владеет и полутонами: его трактовка «Видения

розы» созвучна строкам стихотворения, вдохновившего хореографа Михаила Фокина на создание лирического шедевра - «Я дух розы, которую ты вчера носила на балу». Любовь к греческой архаике виртуозно воплощена в «Послеполуденном отдыхе фавна» на музыку Дебюсси. Бакст, смело соединяя цвета, которые образуются один из другого, нарушая многовековую заповедь живописи, свободно дирижирует красочным оркестром. Красное с фиолетовым, желтое с оранжевым, синее с зеленым... Сочетания произвольны, художник знает: «В каждом цвете существуют оттенки, выражающие иногда искренность и целомудрие, иногда... даже зверство, иногда гордость, иногда отчаяние... есть синий, который может быть цветом св.Магдалины, и синий Мессалины».

Премьеры «Русского балета» следуют одна за другой, объемы заказов необъятны. Отчаянные строки из письма жене, Любови Павловне, дочке П.М.Третьякова: «Поверьшь ли, я работаю до изнеможения, до худобы!.. Подумай, мне надо написать за 2 месяца 8 актов и сделать около 200 рис. костюмов, кроме бутафории». Но результат того стоит - Баксту приходит всемирная слава. «Не знаю, как отмахнуться от всяких приглашений», - сетует Левушка, в глубине души довольный и счастливый. От русского балета в восторге Роден, Майоль, Рихард Штраус, Равель. Марсель Пруст смотрит все спектакли и делает Нижинского, Бакста, Дягилева героями романа «Содом и Гоморра». Публика - «сплошное царство фрака, цилиндра и декольте» - неистовствует, носит «оранжереи цветов», меценатствует.

Рецензенты захлебываются от восторга:

«Варвары еще раз покорили Рим», русское искусство оказалось более утонченным и передовым, чем свое, французское. «Русские заставляют нас сказать - «наши мечты побеждены». С подачи художника в моду входит ориентальный стиль. «Весь Париж оделся по-восточному... Магазины выпустили ткани «Шехерезада», - сообщает Бакст семье. Знаменитые модельеры Пакен и Пуатье показывают коллекции платьев по мотивам сцениграфии «Русского балета».

В антрепризе Иды Рубинштейн Лев Самойлович делает мистерию Д'Аннунцио «Святой Себастьян». Спектакль вызвал споры. «Рай - место слишком общеизвестное для того, чтобы быть ослепительным», - и «Елена Спартанская» - французы, желавшие увидеть, «Голубые небеса и белые мраморы» Эллады, с ужасом наблюдали, как «в тихую и гармоничную Грецию ворвались охваченные бредовой горячкой мужики». Зато «Пизанелла» - историческая пьеса о Европе XIII века - принесла огромный успех. Всплески бакстовского живописного темперамента красочно описывает известный критик А.Левинсон: «Бегут, скрещиваясь, дуги низких сводов с белыми мозаичными нервюрами: стены глубоко синее блестящей эмалью. Золотым шитьем на изумрудном поле рисуются библейские сцены в духе феодальной легенды, между тем как в глубине апсид толпятся византийские лики. За столами, покрытыми синими тканями, бражничают бароны в алых плащах; греческие епископы в аквамаринных облачениях... соперничают с латинскими прелатами в аметистовых одеждах и золотых многоярусных тиарах».

Обласканный Западом, в России Бакст - театральный художник неизвестен. Он приезжает домой регулярно, но в 1912 году родина принимает его, как злая мачеха. Художника в 24 часа высылают за границу. Что-то намертво сработало в грозоздкой бюрократической машине, все хлопоты об отмене успеха не дали: Николай II наложил свое «нет» на прошение Бакста. Причины: еврей не имеет права жить в столице.

Художник уехал. Причем, как свидетельствуют современники, дал себе клятву никогда не возвращаться в Россию. Это обещание он бы не сдержал - письма полны тоски и обиды, но желание жить в милом Петербурге не меньше. Позже Бакст мог бы приехать - его избирают действительным членом Академии художеств, что по законам Российской империи «сильнее» иудейского вероисповедания. Но начинается мировая война, затем революция и война гражданская. Большевистский переворот отрезал художника от дома.

На фотографиях тех лет - печальный взгляд обычно такого веселого Левушки. Он болеет, чувствует усталость. Популярность Бакста по-прежнему огромна, но теперь он вовсе не ощущает себя законодателем художественной моды. Приходится много спорить и ссориться с Дягилевым, который всегда стремился опережать время и взял нестерпимую для Левушки привычку «подстраховывать» его каким-нибудь «левым» художником (од-

новременно поручая Баксту и его антагонисту А.Дерену одну и ту же работу). Многочисленные обиды завершаются разрывом...

Многое в новом искусстве Бакста раздражает, но, к чести Левушки, он остается чутким к истинному таланту, каким бы непохожим на него самого этот талант ни был. Он дружит с Пикассо (сохранились их взаимные зарисовки), восхищается Мо-

Л.С. Бакст. Эскиз костюма еврейской танцовщицы к балету «Клеопатра». 1909 г.

дильяни (в 1917 году итальянец пишет портрет Бакста). Он много работает, читает лекции, делает заказные портреты, создает воспоминания и даже автобиографический роман «Жестокая первая любовь» - перипетии его отношений с французской актрисой. Вокруг всегда много людей: И.А.Бунин просит его походатайствовать о присуждении Нобелевской премии; С.С.Прокофьев советуется со своей опере. Незадолго до смерти Лев Самойлович встретился с давним петербургским знакомым, М.Добужинским, который описал настроение Бакста: «Он неистово ругал футуристов, много и забавно рассказывал про Америку и хотел слышать мнение старого друга о своих последних работах... Его знаменитость была его трагедией. Вспоминаю... его слова о том, что нет времени отдаться тому, что... хочет». А хотел - почаще видиться с любимым сыном Андрюшей и больше времени уделять своему саду с редкими видами кактусов.

Летом 1924 года Бакст серьезно заболел, в декабре от отека легких умер. Дягилев, который два года не разговаривал с ним, при известии о смерти рыдал, как ребенок, горе было огромным. Место художника в искусстве ныне оценено по достоинству. Он остался неповторимым чародеем цвета, «Делакруа костюма», гордостью любого музея.